

Лимонов Эдуард. Москва майская. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 414 с.

История обна-ружения рукопи-си романа "Мос-ква майская", лишний раз подтвердившая, что "рукописи не го-рят" (даже во фран-цузских каминях), уже достаточно освещена в интернете и не требует специального изложения. В результате целенаправ-ленной поисковой работы мы имеем написанный Лимоновым в 1986–1987 годах в Париже роман, опубликован-ный после смерти автора. Характерно, что презентация "Москвы майской" на книжном фестивале "Красная пло-щадь" была подана газетой "Аргументы и факты" как "презентация книги последнего классика отечественной литературы" ("АиФ", 2025. № 24).

История покорения столицы про-винциалом читается с большим инте-ресом, несмотря на отмеченную крити-ками рыхлость сюжета и значительное количество персонажей. Не только поколению зумеров, но и читателям почтенного возраста придётся по ходу чтения часто заглядывать в поисковик. Помимо Александра Галича, Вадима Делоне, Венедикта Ерофеева, Ген-

и буду". Люди разные, подход общий. Одного "хочу" мало. Эдуард упрямо мёрзнет у входа в Дом литераторов, чтобы попасть на семинар Тарковско-го; упрямо шьёт брюки; упрямо покоря-ет столичную богему шаг за шагом. Он смотрит на своих новых друзей и зна-комых, оценивает их поведение, заим-ствует то, что может ему пригодиться для достижения своих целей. Он не хо-чет быть учеником или подражателем. Хочешь научиться — учись у более ум-ного. Хочешь победить — брось вызов более сильному, чем ты. Вот и публици-ст Михаил Меньшиков когда-то меч-тал о новой аристократии, "не по титулу только, а по существу", которая умела бы: "1) работать по 16 часов в сутки; 2) выносить всякую погоду; 3) не бояться никакой опасности; 4) одолеваять на-стойчиво всякие затруднения; 5) радо-ваться, как древние герои и витязи, что судьба посылает сильного врага, ис-кать его, а не прятаться от него".

Покоряя Москву, Лимонов не идёт путём заводских работяг (этот опыт он уже прошёл на Украине), но не стре-мится и в диссиденты. Он не хочет поступаться существенными для него правилами и понятиями, которые вы-работал в Харькове. Герой книги не аморален, у него своя мораль. Ему не нравится идея Анны заработать спеку-ляцией, получить чеки и, купив дефицит в "Берёзке", перепродать его. При том он единственный поэт в Москве,

подчинения и переделки под её стан-дарты и правила. Даже контркультур-ный Алейников упрекает поэта: "Ты наш, но не совсем наш!", — а спустя годы поясняет: "Ты хитрый! Ты спаса-ся, в то время как мы честно дошли до конца. Ты всегда был себе на уме!" Эдуард расшифрует это обвинение так: "Приятели его московской юно-сти, участники брожения, честно раз-рушили себя до конца, а он — Эд Лимонов — оказался здоровее, выжил и стал существовать в других формах. Предательство! — вот как это назы-вается. Он предал их тем, что выжил". Лимонов понимает, что на каждом новом этапе жизнь нужно начинать за-ново — бороться, покорять, завоевы-вать. "Выходя из одного этапа жизни, следует безжалостно оставлять груп-пу ещё вчера близких тебе единомыш-ленников. Людям из прошлого невоз-можно объяснить настоящее. Не стоит и пытаться. Большинство людей не развивается, не переходит из группы в группу, но застревает в той группе, в которую их поместило рождение".

С интересом читаются разбросан-ные по страницам книги споры с Рево-люционером (Гершуни), ведь главный герой, "обожая историю, ... знал, что невозможно ждать от истории справед-ливости. Что применять к ней мораль-ные критерии глупо. История сплошь и рядом бывает несправедлива". Любо-пытны размышления о поиске автором

ВНУТРЕННИЙ ДОНБАСС

Беседин Платон. Как исчезает дым. — М. : Зебра Е : Галактика, 2025. — 302 с.

АКТУАЛЬНАЯ книга Плато-на Беседина, все три части которой связаны с Донбас-сом, посвящена не только новей-шей войне. В волевой и яростной форме она рассказывает о лите-ратуре, о пути мастера словес-ности, о готовности заплатить жизнью за совершенство своих повествований. С одной стороны, книга знает: "писатели в современной России в чи-стом виде никому не нужны", а прозу в нашей стра-не "делают паралимпийцы". С другой — в согла-сии с русским Логосом книга грозит превратиться в проповедь о преображающей романности, когда не совсем ясно понимаешь, что делаешь. Книгу сочиняешь, войну выигрываешь или себя из ада вытаскиваешь. Сразу скажу, что такое отношение к созданию текста мне нравится.

Беседин предлагает читать триста страниц под шестьдесят седьмым псалмом царя Давида: "Да воскреснет Бог, и расточася врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут, яко тает воск от лица огня, тако да по-гибнут грешници от лица Божия, а праведници да возвеселятся, когда возрадуются пред Богом, да на-спядятся в веселии".

Заголовок приводит в действие механизмы хри-стианского эпоса. В первой строчке повествования появится Достоевский, рассказчик первой части предложит аттестовать себя новым Ставригиным. С Толстым тоже всё хорошо: пусть объём далёк от беспощадного, но вряд ли Беседин не вспоминал "Войну и мир", когда так страстно писал о муках рождения богоугодной войны в дьявольском про-странстве иллюзорного мира. Точнее, о превраще-нии жестокой войны в источник личного подключе-ния к Божественному свету.

Есть тут и Виктор Пелевин. Ставригиноподоб-ный Слава опубликовал свою прозу следующим образом: "полное стирание личной истории, ни единого фото, ни одной строчки в биографии, толь-ко текст". Это сигнал. Однако дело даже не в нём.

Беседин выстраивает ключевой для себя об-раз внутреннего Донбасса, сражаясь со ставшей знаменитой внутренней Монголией. Беседин-ский Донбасс — плоть и кровь, принятие исто-рии, готовность в ней решать свои бытийные проблемы и обрести лестницу, которая обеспе-чивает одновременный подъём к собственному кульминации и расставание с жизнью, братание с персональной жертвенностью. Литература вхо-дит в набор ценностей внутреннего Донбасса, не входит восточная пустота. У "священных вод Байкала" начитанный политтехнолог встретится с буддой, встретится он с ним и донецкой ночью. Только это будда явно на службе у Господа, вдохновившего своего избранника на создание шестьдесят седьмого псалма. Беседин стремит-ся быть монотеистом.

Пелевин получил то, что получил, через другую инициативу.

ПЕРВАЯ ПОВЕСТЬ неклассического бесе-динского романа — "Человек, который имел всё". Это агрессивная исповедь опытной-шего читателя, не слишком заметного писателя, телевизионщика, СМИ-менеджера, технолога и политического стратега, но главное — большого грешника, загнбающегося от алкоголя, наркотиков и пустынных шлюх, от ненависти и цинизма, от ла-тентной тяги к самоистреблению. Стартовый текст книги хорош не только очевидной авторской заин-тересованностью в судьбе героя, но и яростным, напоминающим личный символ веры размежева-нием с ним.

"Трагедия в том, что, инфицированный чте-нием, я хотел писать книги!" — важнейшее признание Славы! Однако судьба Вячеслава — быть "чёрто-вым Ионой в сатанинском ките": превращать осво-енные высоты литературы в прагматику принося-щих больше деньги низин. Аттестуя себя едва ли не важнейшим координатором "донбасского про-екта", герой понимает, что по-настоящему спасти его может только одно нравственное дело — де-лание литературы! И даже определённый талант для этого присутствует. Отсутствует главное — то, что есть у брата Антона: готовность быть аутсай-дером, незаметно плавать на глубине, совершать исход из безнества потребления смертельно опасных "десертов".

Вторая часть слабее первой и третьей. "Шеле-стом берёзовых листьев" — нормативный текст: надо показать тяжёлый и светлый путь донбасско-го мальчика. Он рос без отца, при обстреле потерял дом, с уставшей матерью беженцем отправился в Крым, столкнулся там с равнодушием и враждеб-ностью, повстречался с ранее неизвестной бабуш-кой по непутёмому отцу, разозлился на всех ещё сильнее и безнадёжнее, но в предсмертных вос-поминаниях и особенно в кончине бабы Фени на-

чал обретать нравственный центр существования, проще говоря — стал правильно взрослеть.

Если Слава из первой части и Даниил из тре-тьей живут и вытанцовывают свой путь под "Блэк Саббат", то почему бы и иному парню не слушать подобное? Молод ещё? Тогда посмотрим, как он изъясняется: "Отныне прошлое не существовало. Оно отпочковалось, откестилось от нас, и воздух, нагретый июльским зноем, стустился до невоз-можности; каждый шаг, каждый вздох давались с усилием, мощным, волевым, как чемпионское под-нятие штанги".

Первая реакция — гнев критика: где ты нашёл ребёнка с таким языком?! Реакция вторая — смех не без согласия: Беседин так озбочен судьбами современной литературы и своей литературной судьбой, что столь ранний тинэйджер принят автор-ом как талантливый словесник, будто смотрящий на своё давно прошедшее детство из уже состо-явшегося прекрасного далека. Поэтому и простая мама в автобусе из Донбасса в Крым читает шмелёвское "Солнце мёртвых".

Однако эти диссонансы важнее общего пози-тивного движения в "Берёзовых листьях". Бесе-дин (да, в моём восприятии) громко подсказывает: это не мальчик написал, это я — почти сорокалет-ний мужик с кризисами и проблемами — создал в поисках вещества литературы, способного ис-целить от дьявольского рационализма разбивше-гося Вячеслава. Ведь и он, Слава Ставригин, с автором в родстве.

В третьей части — "Предчувствие февра-ля" — единственной интересной женщиной оказывается война. Впрочем, не менее важна плохая женщина Маша, бывшая жена страдаю-щего Даниила. Если идейный антихрист посетил читателей в первой истории "Дыма", то в послед-ней истории перед нами антихрист семьи, быта и душевного равновесия — дьявол не менее опас-ный в расширении своего негативного присут-ствия. Маша оказывается инициатором задым-ления любви, трансформации обычного времени в скандальное, которое обречено тяжко прозвен-еть разводом. Развод приносит фурии полную невротоз свободу, Даниилу — страх потерять дочерей, заботу о них в роли истинной мамы, а также зеркало — в котором полноценно отра-жаешься ты сам, фиксирующий затянутой деп-рессию как новый, возможно, постоянный дом. Вялый рывок из почти суицидального дома — в Ростов, встретиться с бизнесменом, написать о нём за серьёзные деньги книги.

Рывок подлинный — помощь донбасскому то-варщику Богдану, который без намёков жалуется на отсутствие лекарств. Сбор денег, плюс свои, на все — медикаменты, Даниилом нанят водитель, быстро до границы. Передать и обратно? Нет, перевезти через границу — и дальше, в сторону зоны ракетных ударов. Вроде помогли местные, похожие на криминал. Оказалось, что хуже: не криминальные ребята, а черты с сюжетом послед-него испытания. Испытание выдержал, жизнь не сохранил. Есть верная подсказка: "Предчувствие февраля" написано Антоном, братом Славы из той самой первой части.

ЕСЛИ ВЕРНО моё предположение, что перед нами книга, прежде всего посвящённая лите-ратуре, то логика трёхчастной композиции та-кова: в начале преступное падение слова — далее повесть о становлении слова в тринадцатилетнем мальчике — финал требует истории восхождения слова от бытовых катастроф и семейных дрызг к сюжету жертвенного героизма. Если перенести акцент на уже упоминавшийся нами образ вну-треннего Донбасса, получается так: Донбасс унич-тожает грешного, растит юного, воскрешает и даже по-своему канонизирует кающегося.

Как двойственному, но рвущемуся в свет Дани-илу сбросить с себя останевшего Славу? Мне кажется, это и для автора важный вопрос в границах сильной трёхчастной книги. Может, она сильна ещё и потому, что чувствуется жажда воз-действовать книгой на самого себя — современно-го словесника, закономерно находящегося между коммерческой суетой, прагматикой превращения слова в деньги и литературным служением, не терпящим суеты и часто не открывающим дверь для житейского благополучия.

Рискнул бы сказать, что Беседин погибающий (первая повесть) и Беседин спасающийся (по-весть третья) формируют ключевую духовную интригу "Дыма": перенесение донбасской про-блемы и всей этой войны в глубины социального к творению литературы сознания, когда создател сражающуюся книгу не менее важно, чем лично принять участие в боевых действиях.

Да, это так. "И выдернуть себя из всего это-го можно было лишь с помощью большой, ко-лоссальной цели", — читаем в "Как исчезает дым". Лучшие тексты получаются, когда ещё и себя спасаешь, — в пространстве трагиче-ской истории.

Алексей ТАТАРИНОВ

ТАЙНЫЙ РОМАН ЛИМОНОВА

риха Сагпира, Эрнста Неизвестного и Арсения Тарковского в книге присутствуют гораздо менее известные персонажи. Если бы не помощь ин-тернета, то к роману были бы необхо-димы специальные биографические комментарии. Ведь тираж в несколько тысяч экземпляров ориентирован и на рядового читателя, которому нужно по-яснить, кто такие смогисты и кем были Владимир Алейников, Вагрич Бахчан-ьян (Бах), Анатолий Брусиловский, Ле-онид Губанов, Евгений Кропивницкий, Юлю Соостер, Игорь Холин и др. Оста-ётся пераскрывать только фамилия Во-лодыки Революционера (диссидента Владимира Гершуни).

В очередной раз поставив в центр солнечной системы планету "Лимонов", автор представляет нам авторское видение столичной жизни на излёте оттепели — времени, ко-гда, покинув Харьков, он с Анной Ру-бинштейн приехал покорять Москву.

Помимо решения материальных проблем (где и на что жить, как по-лучить прописку и прочее) ему при-шлось бороться за эстетическое при-знание. Это уже после смерти письма и фотографии Лимонова стали прода-вать на аукционах по баснословным ценам (сшитый им пиджак был куплен за 1 700 000 рублей). В те годы, ко-гда происходили описанные в романе события, ему приходилось экономить на всём. Провинциал оригинально и системно подошёл к покорению сто-лицы, о чём, например, свидетель-ствует схема "завоевания московской богемы", упомянутая в книге и тоже выставленная на аукцион (финальная ставка 240 000 руб.). По этой схеме можно проследить, что первым, с кем Лимонов стал общаться в Москве, был Бахчаньян, познакомивший Эду-арда с художником Борисом Жутов-ским. Дальше начались "веерные" знакомства на предмет пошива брюк, за счёт чего Лимонов в основном и зарабатывал. На схеме около ста фамилий художников и поэтов. Стоит на неё посмотреть, чтобы понять, что за описанными в книге "пьянками и гу-лянками" уже тогда стояла железная воля Лимонова. Он, разумеется, не отказывался принять участие в по-сиделках, но даже в них оставался внимательным наблюдателем за по-ведением и действиями других людей (в свою очередь и они рассматривали, анализировали и оценивали новика).

НЕ ОСОБО любимый Лимоновым Владимир Высоцкий на вопрос анкеты "Что хочешь добиться в жизни?" ответил: "Чтобы помнили, чтобы везде пусkali", — а на вопрос "Хочешь ли ты быть великим?" — "Хочу

продающий самиздатские сборники своих стихов за деньги. Вспоминаю в этой связи одного преподавателя, который, оказавшись в сложной си-туации в 90-е годы, не пошёл торговать на рынок, а вышел тем, что системно искал, закупал и продавал интелле-туальные книги (в том числе и только начавшего тогда выходить Лимонова).

Героя "Москвы майской" коробит случайно увиденная сцена получе-ния антисоветчиками западных "го-нораров". В споре с диссидентом Са-шей из "Хроники текущих событий" он прибегает к такому аргументу: "Я из богатых. Мы, в отличие от вас, интеллигентов, не раскалываемся. У нас развитое чувство личной чести". Хотя про себя автор прекрасно осоз-наёт: "Насчёт того, что я богатый, это я, конечно, загнул", — но поскольку на Сашу логически выверенные до-воды не действуют, что же ещё мож-но привести в качестве железного аргумента? Резко отделить себя от них, показать, что ты сам по себе. Вот так же и один из почитаемых Лимоновым "священных монстров" Константин Леонтьев ответил по-клоннику "одинаковых, чистых и удобных домиков" и стандартного единообразия: "Я не ваш отныне".

Лимонов тоже за "цветущую слож-ность". Он не желает примыкать ни к "советским", ни к "антисоветским" груп-пам интеллигенции, но есть те, кому он симпатизирует. Один из них — Евге-ний Кропивницкий (надеюсь, читатель найдёт книгу его стихов "Земной уют", изданную на средства друзей в 1989 году), воспоминания о котором обра-щают на себя внимание необычной для Лимонова деликатностью.

Главным антагонистом героя книги является Леонид Губанов. При бли-жайшем рассмотрении те, кем Лимо-нов восхищался в Харькове, оказыва-ются не столь уж великими, а "вожак стаи" Губанов вообще предстаёт ма-жором и грубияном. Конфликт с ним нарастает, создавая к концу книги столь высокое напряжение, что разре-шить его можно только радикально: — Так получай же... — кричит наш герой голосом вовсе не интеллигент-ного человека и, выдернув из-за спи-ны штоф, ударяет вождя и соперника штофом по голове.

Мальчишество? Возможно. В про-тивоположность Чарльзу Буковски, словно уже родившемуся стариком, герой Лимонова — вечный подросток, находящийся в постоянной борьбе за свою индивидуальность. Он "никому не хотел подчиняться, даже мнением контркультуры". Каждая сложившаяся группа, а тем паче Система, требуют

книги самоидентификации с родиной и её государственным символами.

В НАПИСАННОМ после смерти Лимонова очерке, опубликован-ном в газете "Завтра" в 2021 году, А.А. Проханов рассуждал о посмертной судьбе души Лимонова: "А на том свете, может быть, встретимся — в зависи-мости от того, где мы окажемся: кто из нас окажется в раю, а кто в аду. Тогда я увижу прозрачную, плохо узнавае-мую тень, подойду и спрошу: "Это ты, Эдичка?" Вопрос не праздный. Чёткое деление на рай и ад, свет и тьму, добро и зло помогает избежать сомнений", но, вступая в область конкретики, невольно задавшись вопросом: куда могут быть там определены "священные монстры" и те "шампанские гении", которыми восхищался Лимонов в интервью "Элемен-там"? Сложно с мятущими душами иностранцев: Гийом Аполлинер, Шарль Бодлер, Винсент Ван Гог, Эдгар По, Герри Миллер, Фридрих Ницше, Луи-Фердинанд Селин, Юлиус Эвола, Эрнст Юнгер... И с соотечественниками не всё однозначно: смогисты, поэты Александр Блок, Николай Гумилев, Владимир Мая-ковский, Велимир Хлебников... Близок к ним и Сергей Есенин, неоднократно упоминаемый в книгах Лимонова, но отдельной статьи среди "священных монстров" не удостоившийся. Невольно напрашивается вывод, что те, чьей жиз-нью и творчеством Лимонов стабильно интересовался, те, с кем он дружески общался, да и сам Э.Л., — личности между светом и тьмой, "раем" и "адам".

После "Москвы майской" Лимонов всё больше уходит в яркую публици-стику и политику. Во вступительном слове к трёхтому собранию своих сочинений (1998) он отмечает: "Отныне я работаю с людьми и идеями, а не со словами". Писатель, поэт и политик про-должал одновременно "жить" в нём до самого конца, но для "архивной вечно-сти" он делает выбор в пользу полити-ка. Хотите доказательство? Пожалуйста. Мало кто знает, что личные документы Э.В. Лимонова (Савенко) были пере-даны им на хранение в Российский государственный архив социально-по-литической истории (РГАСПИ). Хорошо помню, как 7 декабря 2016 года, будучи членом экспертно-методического со-вета (ЭМС) этого архива, участвовал в заседании ЭМС, на котором было принято решение в числе дополнитель-ных документов принять на хранение рукописи книги Лимонова "Иллюми-нейшн". Полагаю не случайным, что Лимонов в итоге захотел передать эти документы туда, где уже хранятся доку-менты К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ле-нина и И.В. Сталина...

Александр РЕПНИКОВ

Прилепин Захар. Тума : ро-ман. — М. : АСТ, 2025. — 686 с.

СУЩЕСТВУЕТ весьма рас-пространён-ная и даже всерьёз претендующая на достоверность — по крайней мере, психологическую — точка зрения, со-гласно которой всё, что человек говорит другим и о других, он всегда, по сути, говорит о самом себе. Поэтому неизбежно возникает искушение связать новый роман Захара Прилепина с пере-житым им два года назад покуше-нием, ответственность за которое взяли на себя "крымскотатарские" террористы из движения "Атеш" (за-прещённая в РФ террористическая организация. — Ред.). Во всяком

Степан Разин бросает за борт персидскую княжну. Гравюра из амстердамской книги 1681 г.

НОВАЯ КНИГА О СТЕПАНЕ РАЗИНЕ

кол Русской православной церкви. Но ведь если есть история, то её кто-нибудь уже рассказал и описал.

Истории Стеньки Разина уже более трёх с половиной веков, а касались её и "наше всё" Пуш-кин, и А.К. Толстой, и Велимир Хлебников, и Марина Цветаева, и много кто ещё, а в жанре исто-рического романа — Александр Чапыгин, Степан Злобин, Васи-лий Шукшин. Но здесь — боль-ше не о бунте (он же — "кре-стьянская война", хотя попробуй напomini вольному казаку о его холопском былом родстве...),

не о персидской княжне (сколько их, таких "асьырок", то есть плен-ниц, у Разина было?!). Написан-ное Захаром Прилепиным не повторяет произведений пред-шественников, и по стилю сво-ему — стремился к тому автор или нет? — имеет с ними мало сходства. Больше — с шоло-ховским "Тихим Доном", только вот рассказывающим о событи-ях, гораздо более давних, чем Первая мировая и Гражданская войны, и делающим это в совре-менной технике темпорального (временного) коллажа, размыва-ющего благодаря нелинейности сюжета жаровые рамки вплоть не только до нынешних дней, но и до будущего времени. Всё-таки не будем забывать, что автор ещё и политик, а не только ма-стер слова. И потому такие его фразы, как "Веры средь хохла-чей (запорожских казаков, буду-щих украинцев. — Авт.) нет нико-му", или "Православные братья, пребывающие в униятском да шляхетском плену литвинском", или "Без русского царя братья наши — сироты", или "Как тяго-думная наша Москва задумается про хохлачей да приберёт их к рукам — так и Богданово ...за-вершится", конечно, восприни-маются ещё и в современной воен-но-политической коннотации, к которой Захар Прилепин тоже имеет непосредственное и пря-мое отношение.

Из числа предыдущих при-лепинских художественных про-изведений нечто общее здесь присутствует прежде всего с "Оби-телью". Там — Соловецкий мо-настырь, бывший при Советской власти местом лишения свобо-ды. А в "Туме" — русско-турецкий "полукровка", ставший атаманом донских казаков. Оба романа на-ходятся в таинственном, почти неощутимом резонансе между со-

бой. Известно, что Разин до рас-кола хаживал в паломничества на Соловки — по предсмертному наказу отца отмаливать его, Тимо-фея Исаевича, грехи, и в романе описано, как это происходило, включая разговор с Никоном, бу-дущим патриархом и главным действующим лицом раскола. В данном отношении, сопоставляя два прилепинских романа, можно говорить о "квантовой запутанно-сти", столь же таинственно свя-занной с феноменом "воли" как высшей степени человеческой свободы. Здесь уже и шукшинский роман о Степане Разине "Я при-шёл дать вам волю" в сеть этой запутанности попадает.

ДА, ПРИСУТСТВУЕТ в ро-мане Прилепина, помимо всего прочего, отмеченная ещё Достоевским в знаменитой Пушкинской речи "всеотзывчи-вость" русской литературы: приле-пинский Разин обладает даром об-щаться на многих языках, и многие слова персонажей "Тумы" звучат на татарском, польском, греческом, ес — разумеется, в кирилличе-ской транскрипции и с параллель-ным переводом на русский. "Если помнить, как играли песню, она тя-нет слова. Так сеть тянет рыбу", — поясняет эту способность героя автор. И один из многочисленных авторских изысков — параллель с этим разинским вариантом русской всеотзывчивости — один из эпи-зодических персонажей романа, еврей, обладающий даром вос-производить голоса птиц: "В го-ре, в ноздрах, в щеках жидо будто обитали птицы. Он умел журавлём, жаворонком, голубем, синицей, беркутом, уткой".

Такого рода параллелей, как проб благородного металла ли-тературного мастерства, в этом романе Захара Прилепина с из-бытком даже. Например, описа-ние пляски запорожца Бобы, вы-

зывающее в памяти танец деда из "Заколдованного места" Гоголя: "Боба плясал так, словно его гряз-ные ноги сошли с ума, и теперь их надо было поймать и приручить. Плясал так, словно и руки его от-вязались и могут, друг друга не помня, вертеться вокруг человека в погоне то ли друг за другом, то ли за ногами... Боба плясал так, буд-то оставил плоть свою, чтобы она его вперёд не тяготила... Будто вся Сечь — и мёртвая, и живая — плясала и трясла тысячей грему-чих костей в нём. Будто в дерево ударила молния, и оно, пылая, по-бежало, сыпая искры...". Или описа-ние первого пребывания (по пути на всё те же Соловки) Степана Разина в Москве, на Красной пло-щади, у собора Василия Блажен-ного: "И лишь на Лобном месте он словно бы упёрся грудью, поймав преграду, которую поначалу не различил и не понял..."

Так можно ли сказать, что сво-им новым романом Захар При-лепин выплывает "расписными острогрудыми челнами" "из-за острова на стрежень, на простор речной волны" большой русской литературы? Возможно, особен-но если он сподобится продол-жить свой явно предполагающий такое продолжение сказ о legen-дарном атамане донских каза-ков. Пусть даже с сохранением той жёсткой манеры, в которой написан роман "Тума" и кото-рой в реальности отмечена вся мировая история, а не только отечественная и не только "бун-ташного" XVII века.

"Вынул из мешка отрубленную кисть, Иван Разин с усилием, кру-тя, снимал с мёртвых, ещё гну-щихся пальцев кольца, называясь одно за другим то на свой безы-мянный, то на липкий мизинец", — далеко не самый яркий образец такой авторской жёсткости. "Про-сти мои очеса, Господи, что виде-ли то непотребство, и жалости не ведал, как и к нам её не являл ни-кто с первого жид моего на земле твоей, Спасе..."

Георгий СУДОВЦЕВ